

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ АНТРОПОНИМОВ В РАННИХ РАССКАЗАХ А.П.ЧЕХОВА

К.О. Занько, 2 курс, филологический факультет,
науч.рук. – к.филолог. н., доц. Ю.А. Гурская

Имя собственное является особым языковым знаком, который несет информацию о потенциальном носителе онима, что является стимулом для использования его ассоциативной семантики в художественном тексте.

Цель работы – исследовать антропонимы в ранних рассказах А.П. Чехова (1880-1882 гг.) как результат языковой игры автора и проследить традиции их употребления в русской литературе.

Для изучения ассоциативной природы художественного образа продуктивным является обращение к феномену языковой игры и к ее разновидности – ономастической игры. В художественном тексте игровая природа ИС определяется лингвокреативным механизмом деавтоматизации ономастического стереотипа – устойчивого, закрепленного в языковом сознании «образа» имени, несущего социокультурную информацию о его носителе [1].

В этом отношении особый интерес представляют фамилии героев произведений как важнейший языковой и социокультурный знак в антропонимической формуле наименования человека.

В рассмотренном материале зафиксировано 88 фамилий, которые по происхождению можно разделить на исконные, составляющие 71% от всех наименований, и заимствованные, на которые приходится 29%.

В структурном отношении все фамилии составляют две большие группы: простые и составные. Производной базой простых фамилий выступают:

- имена нарицательные, которые чаще всего имеют отрицательные сниженные коннотации: *Поэт тылкина, Идиотов, Пуголова*;
- христианские имена, типичные для русского именника: *Егоров, Иванов, Максимов*.

В первой группе онимов игровая модальность достигается путем актуализации прозрачной внутренней формы фамилий, мотивированных глаголами, вызывающими комический эффект абсурдной, гротескной семантикой: *Потрошилов, Измученков, Заплаксина*; а также разговорными, просторечными апеллятивами, именами нарицательными со сниженными коннотациями: *Пустяков* (аллюзия на А.С.Пушкина); *Ахинеев, Запупырин, Подбрюшкин*.

Особую группу составляют антропонимы с символическими коннотациями: онимы с семантикой смерти: *Трупов*; фамилии, мотивированные наименованиями животных: *Гуськов, Асловская, Индейкин*; артефактов с уменьшительно-уничижительными суффиксами: *Гвоздиков*; частей тела: *Грыжев*; онимы, ассоциирующиеся с образами насекомых: *Тарантулов*, что получает дальнейшее развитие в творчестве обэриутов [2, с. 42].

Среди производных антропонимов зафиксированы: а) заимствованные фамилии, адаптированные в русском языке: *Манафуилов, Фортунатов*; б) окказиональные (индивидуально-авторские) фамилии, созданные по модели

славянских, комический эффект которых связан с фонетическими ассоциациями: *Обтемперанский, Цицюльский, Цвинтелкин*.

К непроизводным относятся: а) фамилии, возникшие путем онимизации славянских апеллятивов: *Свист, Лай*; б) заимствованные онимы: *Шульц, Шмидт*.

В качестве словообразовательной морфемы простых производных единиц выступают суффиксы, характерные для типичных русских фамилий: -ов/-ев: *Егоров, Назарьев, Ногтев*; -ин: *Дядечкин, Спичкин, Дырочкин*; реже – западнославянских фамилий: -ский: *Обтемперанский, Асловская, Грохольский*.

Выделяются двухосновные фамилии-композицы, образованные от прозвищ с иронично-пренебрежительными оттенками значений или метафорическими названиями людей, которые являются характерной чертой украинской антропонимической системы. Прозвища этого типа образованы по модели «глагол в повелительном наклонении + существительное в форме именительного падежа»: *Щелколов, Некричхвостов*, либо использованы модели: «существительное + глагол»: *Козедов*; «прилагательные со значением качественной оценки + существительное»: *Тупочесов*. По мнению известного ономотолога Б. Унбегауна, «сочетание двух элементов, зачастую неожиданных, а иногда абсурдных – свидетельство неповторимого украинского юмора» [3, с. 223]. В данных примерах нужно отметить продолжение А.П. Чеховым гоголевской традиции, который ввел данную модель в русскую литературу в качестве средства яркой характеристики персонажа. Как известно, многие из гоголевских фамилий, образованных по данной модели, стали нарицательными.

Игровая характеристика персонажей отражена также в немотивированных окказиональных фамилиях, образованных по модели сложных (двух-, реже трехкомпонентных) западноевропейских: *Барабант-Алимонд; Петрученко-Петрурио; Фердрабантерс-Неракруц-Розга*. Данные имена, интересные звукобуквенной структурой, выполняют, вероятно, функцию имитации, выступая в качестве этнотипических стилизующих маркеров: *Пихтерштай, Фрехтельзак, Блаухер*, имитирующие звучание типичных немецких фамилий; *д'Омарен, Бланшар* – французских фамилий.

Таким образом, антропонимы в ранних рассказах А.П. Чехова выступают в роли функционально-семантического знака, служащего воплощению индивидуально-авторской концепции человека. Продолжая традиции «говорящих фамилий» русской литературы, А.П. Чехов закладывает основы творчества обэриутов, прежде всего, наиболее ярких представителей этого направления – А.И. Введенского и Д. Хармса.

Литература

1. Шебалов, Р.Ю. Игровая семантика онимов в ранних рассказах А.П. Чехова / Р.Ю. Шебалов // Уральский филологический вестник. – 2014. – № 2. – С 79–84.
2. Венцлова, Т. Собеседники на пиру (статьи о русской литературе) / Т. Венцлова. – Vilnius, 2001. – С. 33 – 47.

3. Унбегаун, Б.О. Русские фамилии : пер. с англ. / общ. ред. Б.А. Успенского/
Б.О. Унбегаун. – М. : Прогресс, 1989. – 443 с.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ